

Я. А. Ярославцева
Ульяновск, Россия

Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЖАНРАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И США)

АННОТАЦИЯ. Статья предлагает исследование дискурсивного конструирования межнациональных отношений на основе сопоставления доминирующих жанров российского и американского внешнеполитического дискурса. Авторы анализируют корпусы текстов, датированные 2014 г. и состоящие из речей министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и государственного секретаря США Дж. Керри. В работе предлагается модель жанрового анализа, которая применяется к собранному материалу. Жанры анализируются с точки зрения ситуативного контекста, коммуникативной цели, состава коммуникантов и языковых средств конструирования межнациональных отношений. Результаты использования модели на примере корпуса текстов обобщаются с применением элементов сопоставительного анализа. Статья предлагает краткое обобщение российских и зарубежных исследований внешнеполитического дискурса, а также анализирует современный контекст взаимоотношений России и США. С точки зрения методологии работа основана на положениях социального конструкционизма и критического дискурса-анализа. Новизна исследования состоит в том, что внешнеполитический дискурс изучается на предмет выявления в нем типичных механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений, механизмов, которые являются специфическими для внешнеполитической коммуникации, включающей социальных акторов, их интенции, действия и систему взаимоотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межнациональные отношения; дискурсивное конструирование; внешнеполитический дискурс; жанр; Россия; США; сила.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ярославцева Яна Алексеевна, аспирант, Пензенский государственный университет (Пенза); ассистент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск); адрес: 432700, Ульяновск, площадь 100-летия со Дня Рождения В. И. Ленина, д. 4; e-mail: yana.yaroslavcev@mail.ru.

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык», историко-филологический факультет, Пензенский государственный университет (Пенза); адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: gupergy74@gmail.com.

1. Введение

Статья представляет собой фрагмент более крупного проекта, цель которого состоит в выявлении механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса. В своём исследовании мы исходим из положений социального конструкционизма и утверждаем, что «межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик — как научных, так и институциональных — и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций» [Дубровская, Кожемякин 2015]. Теоретическое обоснование проекта, а также анализ некоторых медийных и внешнеполитических дискурсивных практик были предложены нами ранее [Дубровская, Кожемякин 2015; Ярославцева, Дубровская 2015].

Данная статья продолжает изучение внешнеполитического дискурса с акцентом на сопоставлении жанров российских и американских внешнеполитических практик, конструирующих межнациональные отношения. Композиционно статья состоит из 7 разделов. Раздел 2 представляет цели, задачи и материал исследования. В разделе 3 описана методология исследования. Раздел 4 содержит обзор научной литературы, посвященной разным аспектам внешнеполитического дискурса. В разделе 5 мы анализируем современный общеполитический контекст взаимоотношений России и США. Анализ разных жанров российского и американского внешнеполитиче-

ского дискурса представлен в разделе 6. Статья завершается заключением и списками литературы и материалов исследования.

2. Цели, задачи и материал исследования

В работе, написанной на основе анализа корпуса российских внешнеполитических практик [Ярославцева, Дубровская 2015], мы выделили жанры, в рамках которых осуществляется выстраивание межнациональных отношений России с другими акторами на мировой политической арене. **Целью** настоящего фрагмента исследования является сопоставительный анализ российского и американского внешнеполитического дискурса с точки зрения конструирования межнациональных отношений в разных его жанрах. Для достижения данной цели было необходимо решение нескольких **задач**:

- сбор двух корпусов внешнеполитического дискурса (русского и американского) достаточного объема;
- анализ современного политического контекста российско-американских взаимоотношений;
- выявление доминирующих жанров, конструирующих межнациональные отношения;
- разработка модели жанрового анализа;
- применение модели анализа к собранным корпусам текстов.

С целью изучения внешнеполитических дискурсивных практик были собраны речевые корпусы. При сборе текстов мы ограничились одним говорящим субъектом с каждой стороны. Для России это министр иностранных дел РФ Сергей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

© Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В., 2015

Викторович Лавров, для США — соответствующий российскому министру по должности и функциональным обязанностям Государственный секретарь США Джон Форбс Керри. Корпусы охватывают шестимесячный период, с января по июнь 2014 г. включительно. Выбор именно данного периода обоснован нами ранее: «Выбор этого периода обусловлен тем, что он характеризуется значимыми политическими событиями на международной арене, приведшими к изменению международных отношений между Западом и Востоком. В их числе подъем волны экстремизма и терроризма в Сирии, обострение противоречий по иранской ядерной программе, смена власти и последующее внутреннее военное противостояние на Украине, референдум о выходе Крыма из состава Украины и присоединение его к РФ, введение санкций в отношении России и ответ России на санкционную политику Запада. В контексте перечисленных событий резко обостряются международные отношения России и США как государств, претендующих на мировое лидерство» [Ярославцева, Дубровская 2015: 125].

В качестве источника материалов внешнеполитического дискурса были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и Государственного департамента США (www.state.gov). Выступления С. В. Лаврова и Дж. Керри содержатся в разделах «Пресс-служба МИД» (<http://archive.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf/kartaflat/03.02.03>) и «Secretary Kerry's Remarks» (www.state.gov/secretary/remarks/index.htm) соответственно. Из всего представленного на сайтах МИД РФ и Госдепартамента США материала методом сплошной выборки по ключевым словам «Россия/Russia» и «США/USA» были отобраны тексты, в которых поднят вопрос о российско-американских отношениях. Российский материал включает в себя 62 текста, общий объем которых составляет 108 693 словоупотребления. Корпус американского материала включает 65 текстов объемом 89 825 словоупотреблений.

3. Методология исследования

С точки зрения методологии работа основана на понимании социальной реальности в духе социального конструкционизма и критического анализа дискурса. Исследование внешнеполитического дискурса в аспекте конструирования в нем международных отношений строится на идее социальной значимости дискурса, а также признании диалектических, взаимообуславливающих отношений между языком и обществом [Fairclough 2004]. Важной категорией анализа является категория социального актора [van Leeuwen 2003], поскольку акцент ставится на дискурсивной деятельности социальных акторов, посредством которой осуществляется конструирование международных отношений. При этом дискурсивные практики исследуются в соответствующем социальном контексте.

Далее мы применяем модель жанрового анализа, охватывающую несколько аспектов, принципиальных с точки зрения конструирования международных отношений:

- контекст внешнеполитического жанра;
- коммуникативная цель жанра;

- состав коммуникантов;
- языковые средства конструирования международных отношений, репрезентация акторов как сильных/слабых, дружественных/недружественных (отдельные замечания, касающиеся средств выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе, были сделаны нами ранее [Ярославцева 2015]).

Результаты применения данной модели к корпусам текстов далее обобщаются с применением элементов сопоставительного анализа.

4. Исследования внешнеполитического дискурса: краткий обзор

В период значимых политических событий на международной арене, влияющих на международные отношения, внешнеполитический дискурс вызывает особый интерес исследователей. Политологи рассматривают термины и концепции внешнеполитической риторики, раскрывают их роль и прагматическое значение, уделяя значительное внимание инструментам внешней политики, включающим «мягкую» и «жесткую» силы [Будаев 2014; Гусаков 2011 и др.]. Дискурс-аналитики исследуют суть и специфику внешнеполитического дискурса [Июхим 2014; Кожетева 2012; Терентий 2010], его отдельные характеристики, например интердискурсивность [Голованова 2014; Прохорова, Ардасова 2014] и лиминальность [Пономаренко 2014], а также основные стратегии и тактики [Друцэ 2015]. Внимание лингвистов привлекает метафорика внешнеполитического дискурса, прецедентные имена, рекуррентные конструкции [Чудинов 2008; Белов 2010; Матыгина 2014; Полякова 2010, Терехова 2011], коммуникативные категории, например толерантность [Шапалова 2013], а также стратегии перевода и коммуникации [Волкова 2007].

Зарубежные исследователи также посвящают свои работы изучению внешнеполитического дискурса. Их интерес, в частности, вызывает Европейский союз (ЕС) и его взаимоотношения с другими политическими акторами [Tekin 2008; Buftüler-Baç, Süleymanoğlu-Kürüm 2015; Wodak, Boukhalala 2015]. Особое внимание представителей европейского дискурсивного анализа привлекает публичная дипломатия и роль ЕС [Rasmussen 2009]. Существующие методологические подходы способствуют выявлению языковой специфики внешнеполитического дискурса, но с акцентом на конструирование международных отношений, задействующих по меньшей мере две стороны, внешнеполитические практики рассматривались весьма ограниченно. Кроме того, неисследованным остается жанровый аспект внешнеполитического дискурса. Поэтому перспектива исследования нам представляется в том, чтобы выявить механизмы конструирования международных отношений, специфические для внешнеполитических практик, включающих социальных акторов, их интенции, действия и систему взаимоотношений.

5. Современный контекст

российско-американских отношений

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки как государства, претендующие на мировое лидерство, ведут интенсивную дипломатическую деятельность. Главным направлением внешней политики РФ является «доведение до

широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки» [Концепция 2013]. Внешнеполитическая деятельность США направлена на борьбу с социальными, экономическими, техногенными и экологическими вызовами и угрозами международной безопасности: «Основная цель департамента заключается в формировании и сохранении мирного, процветающего, справедливого и демократического мира, а также обеспечении условий для устойчивого развития во благо американского народа и людей во всем мире» [FY 2014 Agency Financial Report] (перевод с английского мой. — Я. Я.). С учетом поставленных целей Россия и США осуществляют отличную друг от друга внешнеполитическую деятельность. Как следует из процитированных документов, внешнеполитическая деятельность РФ направлена на укрепление своей позиции в мировом сообществе и усиление собственной роли в разрешении международных конфликтов и споров. Внешняя политика США как лидера мировой политики, претендующего на статус «флагмана демократии», состоит в продвижении во всем мировом сообществе ценностей свободы и демократии, чем гарантируется безопасность в мире.

Реализация внешней политики различной направленности в отношении актуальных политических проблем предопределяет взаимоотношения акторов на международной арене. В настоящее время достаточно четко прослеживается конфронтация в российско-американских отношениях по причине столкновения интересов на Ближнем и Среднем Востоке, где оба государства стремятся усилить свое влияние. Как полагают отечественные политологи, противостояние двух государств в данном регионе связано с реализацией различных внешнеполитических подходов к урегулированию сирийского кризиса и иранской ядерной программе [Неронова 2014; Волков 2014].

Негативно отразились на российско-американских отношениях расхождения в осуществлении внешнеполитической деятельности на Украине, где в январе — феврале 2014 г. массовые протесты в поддержку евроинтеграции государства выливаются в вооруженные конфликты по всей стране [Соловьев 2014]. По мнению отечественных политологов, последующие украинские события, включающие смену власти, изменение конституции, увольнение старого руководства страны и назначение нового, поддерживаются США, но вызывают сомнения в своей легитимности у России, Крыма и ряда восточных регионов Украины. США, в свою очередь, не признает легитимным референдум Крыма о статусе автономии и вхождении в состав РФ, а также создание на востоке страны Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. США, не соглашаясь с действиями России в ходе украинского кризиса, вводят политические и экономические санкции против ряда физических и юридических лиц России, приостанавливают сотрудничество в военно-технической сфере, отменяют ряд

мероприятий в рамках двустороннего сотрудничества. Россия принимает решение ввести ответные санкции, в число которых входят меры воздействия на физические и юридические лица США и продовольственное эмбарго [Войтоловский 2014]. В исследованиях западных экспертов Россия представляется большой угрозой для всего мирового сообщества [Mankoff, Kuchins 2015]. Отечественные политологи, в свою очередь, заявляют о замалчивании западными аналитиками правдивой информации о России и отмечают чрезмерную идеологическую направленность исследований американских экспертов [Шаклеина 2014].

6. Жанры внешнеполитического дискурса

Внешнеполитический дискурс составляет аспект дипломатических практик, которые определяют положение государства на мировой политической арене и его взаимоотношения с другими социальными акторами. Под дипломатией подразумевается «официальная деятельность глав государств, правительств, специальных органов внешних сношений и их зарубежных представителей по осуществлению переговоров, переписки, невоенных практических мероприятий с учетом конкретных условий и характера решаемых задач ради отстаивания внешнеполитических целей, защиты прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей» [Егоров 2013: 11—12]. Из приведенного определения видно, что внешнеполитический дискурс реализует цели и задачи внешней политики по защите интересов государства и его граждан и предполагает применение целого ряда жанров, как устных, так и письменных.

Главы российского и американского внешних ведомств осуществляют внешнеполитическую деятельность в форме разнообразных жанров. Для изучения мы выбираем только устные публичные жанры.

Список жанров министра иностранных дел РФ, обозначенных на сайте МИД, включает выступления, ответы на вопросы СМИ, интервью и комментарии. Сайт Госдепартамента США также предоставляет информацию о жанрах речи госсекретаря и содержит *remarks* (выступления), *press availability* (пресс-конференции), *interview* (интервью) и *press statements* (заявления для прессы). Представленная информация свидетельствует о значительном параллелизме жанровых систем в речах министра иностранных дел РФ и госсекретаря США. Кроме того, можно говорить о типичной интенции, объединяющей жанры внешнеполитического дискурса. Представляется, что внешнеполитический дискурс, будучи разновидностью политического дискурса, направленного на борьбу за власть, имеет те же функции. В их число Е. И. Шейгал включает: а) интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; б) развитие конфликта и установление консенсуса; в) осуществление вербальных политических действий и информирование о них; г) создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; д) манипуляцию сознанием и контроль за действиями политиков и электората [Шейгал 2000: 9]. Эти функции реализуются, однако, в специфическом — внешнеполитическом —

контексте, который предполагает участие социальных акторов, представляющих разные государства. Языковые формы реализации функций конструируют межнациональные отношения, и именно с этой точки зрения мы рассмотрим представленные жанры.

6.1. Выступления

Российский и американский материал включает 46 и 30 монологических выступлений соответственно. С точки зрения ситуативного контекста, в котором данный жанр встречается в речах дипломатов, имеет смысл выделить некоторые субжанры выступления: выступление до начала и по итогам переговоров с уполномоченными представителями иностранных государств, выступление на международных и национальных мероприятиях, брифинг и вступительное слово. Отметим при этом, что выступления до начала переговоров с дипломатическими лицами и брифинг не встретились нам в материале российского внешнеполитического дискурса.

В ходе выступлений главы внешних ведомств излагают итоги дипломатических переговоров с представителями иностранных государств, представляют свое видение событий, происходящих на международной арене, а также сообщают о внесенных предложениях по урегулированию вопросов мирового масштаба. Непосредственным адресатом таких публичных выступлений являются представители СМИ. В то же время надо понимать, что СМИ выступают в качестве посредника, ретранслятора внешнеполитического дискурса для более широкой аудитории адресатов, охватывающей граждан разных стран и идеологических групп.

Дискурсивно конструируя внешнеполитическую действительность, С. В. Лавров и Дж. Керри как представители государств преследуют цель занять лидирующие позиции на международной арене, влиять на ход значимых политических событий, а также воздействовать на решения других политических акторов. Указание на участников международных политических процессов и обозначение своих отношений с ними является одним из механизмов конструирования межнациональных отношений. В контексте выступления по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсия-Маргальо глава российского внешнего ведомства апеллирует к иным политическим акторам, не вовлеченным в дипломатические переговоры. Он делает это в имплицитной форме, используя местоимение *тем* и существительное *сосед*, которые имеют в качестве предметов референции США и Украину соответственно:

(1) *Если мы даем такие „поблажки“ тем, кто сейчас пытаются руководить нашим великим, добрым, историческим соседом, то все должны понимать, что дурной пример заразителен, и необходимо быть последовательным во всем без всяких двойных стандартов.* (Лавров, 05.03.2014).

Российский министр дискурсивно конструирует присутствие на международной арене трех политических акторов (*мы, те, сосед*), тесно связанных между собой социально значимыми отношениями. Примечательным является то, что

два политических актора представляются во фрагменте речи С. В. Лаврова сильными сторонами (*мы, которые даем такие «поблажки» и те, кто сейчас пытаются руководить*). Однако сильные акторы, Россия и США, имеют разную аксиологическую нагрузку. США оцениваются отрицательно (*дурной пример*), тогда как России приписываются положительные качества (*последовательным, без двойных стандартов*).

Дж. Керри в своих выступлениях избегает имплицитной референции. В представленном отрывке выступления госсекретарь США открыто апеллирует к России с требованием изменить свою политику. Таким образом эксплицитно конструируется противостояние двух сильных политических акторов (Западный альянс во главе с США и Россия), способных оказывать влияние на других акторов:

(2) *...we are in full agreement that it is critical for Russia to show in the next hours, literally, that they are moving to help disarm the separatists, to encourage them to disarm, to call on them to lay down their weapons and begin to become part of a legitimate political process. And the European Community will be meeting on their component of the sanctions. We all agree that they need to be ready* (Kerry, 26.06.2014).

...Мы пришли к соглашению, что для России критически важно показать буквально в ближайшие часы, что она способствует разоружению сепаратистов, что побуждает их разоружаться, что призывает их сложить оружие и присоединиться к законному политическому процессу. Что касается Европейского союза, то он проведет встречу по вопросу санкций со своей стороны. Мы все придерживаемся мнения, что они должны быть готовы.

Борьба сильных политических акторов за власть дискурсивно конструируется посредством оценочных тактик. Россия в речи российского министра представлена как придерживающаяся мирной позиции и участвующая в процессах сближения государств мира. Такая сила имеет конструктивный характер и репрезентируется при помощи лексики со значением единения:

(3) *Наша страна на протяжении многих лет последовательно выступает за укрепление коллективных усилий в интересах поиска солидарных ответов на общие для всех государств вызовы* (Лавров, 11.04.2014).

Дж. Керри создает иную репрезентацию внешнеполитической обстановки:

(4) *...Russia has instead chosen an illegitimate course of armed violence to try and achieve with the barrel of a gun and the force of a mob what couldn't be achieved any other way. They've tried to create enough chaos in the east to delay or delegitimize the elections, or to force Ukraine to accept a federalism...* (Kerry, 24.04.2014).

Вместо этого Россия выбрала незаконный путь вооруженного насилия, чтобы под дулом пистолета и силой толпы попытаться достичь того, чего нельзя достичь другим способом. Она попыталась создать такой уровень хаоса на Востоке, чтобы отсрочить или делегитимизировать выборы или заставить Украину согласиться на федерализацию...

В представленном примере Россия конструируется как государство, применяющее силу в отношении некоторых политически ослабленных акторов (*the force of a mob, to force*). Для создания образа агрессивно настроенной страны глава американского внешнего ведомства использует милитарную лексику (*armed violence, the barrel of a gun*). Все проводимые действия России на Украине признаются нелегитимными (*an illegitimate course, delegitimize*). Кроме того, применяется тактика отрицательной оценки, которую мы обозначаем как предъявление вины через демонстрацию последствий деликта [Дубровская 2014: 150]. Последствием действий России в американской речи представлен хаос на Востоке Украины (*chaos in the east*).

Сила (*strength*), как она репрезентируется в дискурсе госсекретаря Дж. Керри, заключается в объединении партнеров во главе с США для противодействия России. Отметим неоднократные повторения лексических единиц со значением объединения:

(5) *So we find ourselves in a defining moment for our **transatlantic alliance**, and nobody should mistake that. And we are prepared to do what we need to do, and to go the distance, **to uphold that alliance**. Our **strength** will come from our **unity**. And **the strength** of our **alliance** always has come from our **unity** over the course of the 65 years. So **together**, we have to push back against those who want to try to change sovereign borders by force* (Kerry, 29.04.2014).

Таким образом, наступает решающий момент для Трансатлантического альянса, и все должны это понимать. И мы готовы делать то, что необходимо, и идти дальше, чтобы поддерживать этот союз. Наша сила исходит из нашего единства. Сила нашего союза всегда исходила из нашего единства в течение 65 лет. Таким образом, вместе мы должны дать отпор тем, кто пытается изменить суверенные границы силой.

В знак сопротивления в борьбе за мировое влияние в дискурсе госсекретаря США употребляются ультиматумы и угрозы:

(6) *President Putin and Russia face a choice. **If Russia chooses the path of de-escalation**, the international community — all of us — will welcome it. **If Russia does not**, the world will make sure that the cost for Russia will only grow* (Kerry, 24.04.2014).

Президент Путин и Россия стоят перед выбором. Если Россия выбирает путь деэскалации, то международное сообщество — все мы — будет приветствовать его. Если Россия этого не сделает, то весь мир позаботится о том, чтобы плата для России увеличилась.

Придаточные условия в данном фрагменте фактически конструируют ситуацию, в которой Россия ставится перед выбором вариантов действий, навязываемых ей со стороны США.

Следует отметить, что на международных мероприятиях, где присутствуют обе стороны российско-американских отношений, а также при личном общении С. В. Лаврова и Дж. Керри дискурс меняется. Смягчая формулировки, главы внешних ведомств конструируют не противостоя-

ние России и США, а значимость их взаимоотношений:

(7) *Let me just say that it's a **pleasure** for me to be able **to welcome** Foreign Minister Lavrov so that we have an opportunity to be able **to discuss** issues of obvious importance to the **relationship** between the United States and Russia, but obviously even more so important to everybody who wants to see peace and stability in Ukraine and **progress** on other issues of concern that we share together* (Kerry, 05.06.2014).

Позвольте мне просто сказать, что я рад приветствовать министра иностранных дел Лаврова, что у нас имеется возможность обсудить вопросы, несомненно значимые для отношений США и России, но еще более значимые для тех, кто хочет видеть мир и стабильность на Украине, а также прогресс в урегулировании других вопросов, представляющих интерес для обеих сторон.

Сохранение, развитие и укрепление межнациональных отношений получают вербальное выражение в таких единицах с положительно-оценочной семантикой, как *a pleasure, to welcome, to discuss, relationship, progress*.

6.2. Пресс-конференции и ответы на вопросы СМИ

Пресс-конференция относится к самостоятельному жанру американского материала внешне-политического дискурса и не является абсолютным аналогом жанра ответов на вопросы СМИ российского материала. Жанр пресс-конференции, включающий 16 единиц собранного материала, характеризуется наличием монологического вступления главы американского внешне-политического ведомства. Оно посвящено политическим, социальным, культурным отношениям с тем или иным государством (в зависимости от того, где проводится пресс-конференция), а также основным проблемам мирового масштаба. Далее следуют вопросы журналистов по поводу актуальных на момент пресс-конференции политических событий. Жанр ответов министра иностранных дел РФ на вопросы СМИ (8 единиц от всего материала) имеет свою специфику. С точки зрения ситуативного контекста данный жанр используется после выступления российского министра по итогам переговоров с уполномоченными представителями иностранных государств, в ходе участия министра в международных и национальных мероприятиях, а также в ходе специально организованной встречи министра с прессой. Темы и содержание ответов задаются как контекстом, политической ситуацией, так и непосредственно вопросами журналистов. В вопросах журналистов может быть уже заложено определенное видение межнациональных отношений, и политики, отвечающие на вопросы, либо высказывают суждения, поддерживающие пропозицию, либо отрицают истинность пропозиции вопроса. Примером первого варианта представляется следующий пример:

(8) *Вопрос: **Считаете ли Вы, что Соединенные Штаты могут стоять за конфликтом на Украине?***

С. В. Лавров: Мы уже давали наши оценки. На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы

нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа... (Лавров, 06.05.2014).

Пропозиция вопроса (Соединенные Штаты могут стоять за конфликтом на Украине) получает подтверждение в высказывании российского министра (противоречия... были активно использованы нашими... партнерами). Кроме того, обстоятельства для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа дискурсивно конструируют силу западных государств, которая заключается в проявлении свободы действий и нежелании считаться с другими политическими акторами.

В следующем примере из коммуникации в рамках пресс-конференции Генштаба НАТО Дж. Керри поддерживает догадку журналиста, но затем предлагает более общее объяснение активности НАТО, чем реакция на наращивание российского военного потенциала:

(9) Question: ...*This readiness action plan that NATO is preparing — is that something that addresses the Russian arms buildup and increasing number of military provocations in the Baltic Sea region?*

Secretary Kerry: *Well, it certainly — that is part of it. But it's also much broader than that. It's an effort to recognize that we're living in a different world. The type of threats that existed in the past are not what played out in Crimea, where you had soldiers who were hiding behind masks and without any identification on them, and a massive public relations campaign simultaneously denying the reality of what everybody was seeing on the ground; where you had this incredible capacity for deception, for denial, which was both a surrogate effort of a government and a linkage to activists, terrorists, and others* (Kerry, 25.06.2014).

Вопрос: ...Этот план действий по обеспечению готовности, над которым работает НАТО, связан с накоплением российских вооружений и увеличением числа военных провокаций в Балтийском регионе?

Секретарь Керри: *Ну, конечно, частично. Но есть и более важные причины. Это попытка понять, что мы живем в ином мире. Те угрозы, которые существовали в прошлом, не похожи на те, которые разыгрывались в Крыму, где были солдаты в масках и без каких-либо опознавательных знаков, и одновременно мощные пиар-кампании, отрицавшие то, что происходило там на самом деле; где проявилась невероятная способность к обману, отрицанию очевидного, которая отразила и псевдопопытки сохранить контроль, и связь с активистами, террористами и другими группами.*

Кроме того, используя милитарную лексику (*threats, soldiers, masks, activists, terrorists*), госсекретарь США дискурсивно конструирует отношения России и США в контексте возможного активного военного противостояния двух государств.

6.3. Интервью

Интервью составляют 6 и 14 единиц в русском и американском материале соответственно. В отличие от жанра ответов на вопросы СМИ и жанра пресс-конференции, данный диалогиче-

ский жанр функционирует в ходе организуемого телевизионной программой или телевизионным каналом, радиостанцией, информационным агентством личного общения журналиста с главами внешних ведомств. С точки зрения имплицитной цели интервью направлены на демонстрацию и распространение идеологических ценностей. Так, в следующем фрагменте вопрос Владимира Соловьева использован российским министром как повод для обсуждения необходимого формирования полицентричного мироустройства:

(10) Вопрос: *Те, кто „маме назло отмораживает уши“, оставили нас в одиночестве или есть кто-то за нас? Мы одни? У нас есть, к сожалению, всегда голосующие так же, как мы — Северная Корея, что не лучший пример. Они назло США готовы все что угодно „себе отморозить“. Поддерживают ли Россию страны, про которые можно сказать „мудрые люди“?*

С. В. Лавров: *У нас серьезная поддержка. Если страны поменьше все-таки не могут себе позволить говорить об этом открыто, потому что слишком зависимы от Запада экономически и финансово, то страны, ощущающие себя более самостоятельно и серьезно подходящие к международным отношениям, понимают, о чем сейчас идет речь. Речь сейчас идет не о том, что нужно обязательно помочь украинцам преодолеть кризис, хотя это важно, а, как я уже сказал, о перестройке мировой системы, объективном формировании полицентричного мироустройства. В конце марта в Гааге в рамках Саммита по ядерной безопасности мы встречались с министрами иностранных дел стран БРИКС. Было принято заявление, в котором подчеркивается необходимость избегать вмешательства во внутренние дела других стран, осуждается любая политика односторонних санкций и выражается приверженность всем принципам Устава ООН во всей их совокупности* (Лавров, 11.04.2014).

С. В. Лавров в основу дискурсивной репрезентации биполярности мира (западный мир со странами, которые от него зависимы экономически и финансово, и страны БРИКС, ощущающие себя более самостоятельно) помещает принципы независимости/независимости и соблюдения/несоблюдения Устава ООН.

На вопрос журналиста о готовности бойкотирования встречи G8 в Сочи по причине агрессии России по отношению к Украине глава американского внешнего ведомства дает положительный ответ, при этом даже допуская возможность исключения России из «Большой восьмерки»:

(11) Question: *Are we actually prepared, Mr. Secretary, to boycott the G-8 meeting there?*

Secretary Kerry: *Well, absolutely prepared to if this — if we can't resolve it otherwise. <...> We're prepared to mediate, to help. We're prepared to provide economic assistance of a major sort. We want the Congress to join us in providing that assistance. We hope that this can be resolved according to the standards of the 21st century, and frankly, according to the standards of the G-8. If Russia wants to be a G-8 country, it needs to behave like a G-8 country. And I guarantee you that everybody is de-*

terminated that if this cannot be resolved in a reasonable, modern, 21st century manner, there are going to be repercussions (Kerry, 02.03.2014).

Вопрос: Мы готовы, господин Секретарь, бойкотировать встречу G8 там?

Секретарь Керри: Мы абсолютно готовы к этому — если мы не можем решить это иным способом <...> Мы готовы выступить посредником, помогать. Мы готовы обеспечить хорошую экономическую поддержку. Мы хотим, чтобы Конгресс присоединился к нашей готовности обеспечить такую поддержку. Мы надеемся, что это можно решить в соответствии со стандартами XXI века и, честно говоря, в соответствии со стандартами G8. Если Россия хочет быть страной G8, она должна вести себя как страна G8. И я гарантирую вам, чтобы понимал каждый, что если вопрос не решается разумным, современным способом, способом XXI века, то будут последствия.

В ответе госсекретаря Дж. Керри США конструируются как нейтральная сторона, медиатор, помогающий разрешить конфликт. Однако при этом американская сторона выдвигает ультиматумы и угрозы а в адрес России.

6.4. Заявления для прессы

В монологических речах Дж. Керри встречается жанр заявлений для прессы, включающий 5 единиц. С точки зрения ситуативного контекста их можно разделить на два класса. Первый класс заявлений охватывает этикетные жанры поздравления в адрес государств со значимыми для них достигнутыми соглашениями или с важными официальными праздниками. Для них характерно применение перформативных форм (*I congratulate*), эксплицитно маркирующих жанр:

(12) *I congratulate the people of Russia as you celebrate your National Day on June 12, the anniversary of the peaceful establishment of the sovereign Russian Federation* (Kerry, 11.06.2014).

Я поздравляю народ России по случаю празднования 12 июня Дня независимости, годовщины мирного становления суверенной Российской Федерации.

Второй класс заявлений прямо противоположен по своей оценочной составляющей. Это публичные послания какому-либо политическому актору, вызвавшему осуждение со стороны США. Приведем пример такого осуждения:

(13) *The United States condemns the Russian Federation's invasion and occupation of Ukrainian territory, and its violation of Ukrainian sovereignty and territorial integrity in full contravention of Russia's obligations under the UN Charter, the Helsinki Final Act, its 1997 military basing agreement with Ukraine, and the 1994 Budapest Memorandum. This action is a threat to the peace and security of Ukraine, and the wider region* (Kerry, 01.03.2014).

США осуждают вторжение Российской Федерации и оккупацию территории Украины и нарушение украинского суверенитета и территориальной целостности, что является прямым нарушением обязательств России в соответствии с Уставом ООН, Заключительным актом Хельсинкских соглашений, договором 1997 года о базировании войск на территории Украины и Будапештским меморандумом 1994

года. Это действие является угрозой для мира и безопасности Украины и региона в целом.

В представленном отрывке речи Дж. Керри дискурсивно конструируется силовое давление России на слабого политического актора при помощи военной лексики (*invasion, occupation, violation, threat*). Госсекретарь США конструирует Россию как агрессивного актора и эксплицитно выражает осуждение посредством глагола речи *condemn*.

6.5. Комментарий

Комментарий, включающий всего 2 единицы и являющийся жанром монологической речи С. В. Лаврова, не имеет аналога в выступлениях Дж. Керри. Непосредственная цель комментария — краткое пояснение содержания мероприятия и подведение его итогов. Оба комментария были даны прессе по итогам встречи с госсекретарем США Дж. Керри. Акцент ставится на необходимости совместных действий, обозначенных метафорически (*искать точки соприкосновения, выработать общую позицию* и др.). Имеющиеся противоречия отмечаются как факт, но их суть не раскрывается (*выразили несоответствующие точки зрения*):

(14) С. В. Лавров: Мы провели очень интенсивные переговоры с Государственным секретарем США Дж. Керри по вопросам, касающимся кризиса на Украине. **Выразили несоответствующие точки зрения на его причины. Тем не менее мы согласились с необходимостью искать точки соприкосновения, чтобы выработать общую позицию относительно путей дипломатического урегулирования ситуации в интересах украинского народа. Обе стороны внесли свои предложения о том, как можно добиться деэскалации применительно к политической ситуации, ситуации в области безопасности как на Украине, так и вокруг нее** (Лавров, 30.03.2014).

В приведенном комментарии взаимодействие России и США представляется ключом к решению многочисленных внешнеполитических вопросов. Поскольку жанр предполагает комментирование уже произошедшего события и его результатов, для него характерно применение форм прошедшего времени (*выразили, согласились, внесли*).

7. Выводы

Представим выявленные в материале жанры в виде таблицы. В скобках указано количество единиц выделенных жанров. Из таблицы видно, что жанры выступления и интервью характеризуют как речь российского министра, так и речь госсекретаря США. Ответы на вопросы СМИ и пресс-конференции можно обозначить как не совсем идентичные, но параллельные по своим установкам и формальным критериям жанры. Заявления для прессы типичны для речи американского дипломата, тогда как жанр комментария встречается только в российском материале.

Таблица 1
Жанры внешнеполитического дискурса

Российский	Американский
выступления (46)	выступления (30)
ответы на вопросы СМИ (8)	пресс-конференции (16)
интервью (6)	интервью (14)
комментарии (2)	заявления для прессы (5)

Количественные данные свидетельствуют, что самыми частотными жанрами внешнеполитического дискурса и в российском, и в американском материале являются выступления. Именно монологический жанр выступления с более или менее продуманной заранее стратегией позволяет реализовать функцию борьбы за власть на мировой арене, характерную для внешнеполитического дискурса. Одним из инструментов реализации этой функции является конструирование в жанрах внешнеполитического дискурса специфических репрезентаций отношений между политическими акторами, государствами. В основе репрезентаций лежат задачи продвижения своих интересов на международной арене, идеологические установки акторов, а также ситуативные факторы. Спектр прагматических средств, применяемых для конструирования межнациональных отношений, включает оценочные стратегии и тактики, оценочную лексику, лексику со значением единения и конфронтации, милитарную лексику, метафоры, некоторые грамматические формы (н-р, прошедшее время глагола, придаточные условия), повторы. В результате их применения политические акторы дискурсивно конструируют сильных и слабых политических акторов и такую картину межнациональных отношений, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Е. С. Перцептивные и пространственные метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе // *Вестн. Челябин. гос. ун-та*. 2010. № 11 (192). С. 12—15.
- Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2014.
- Волков С. В. Взаимоотношения США и Японии: взгляд из России // *Власть*. 2014. № 2. С. 114—118.
- Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2007.
- Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // *Пути к миру и безопасности*. 2015. № 1 (48). С. 67—84.
- Голованова Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2014. № 7 (92). С. 25—30.
- Гусаков А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // *Вестн. Ин-та стратегических исследований ПГЛУ : сб. науч. тр.* 2011. № 1. С. 15—17.
- Друцэ А. Ю. Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе // *Вестн. Моск. гор. пед. ун-та*. 2015. № 2 (18). С. 98—106.
- Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.
- Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // *Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 26 (в печ.).
- Егоров В. П. Дипломатический протокол и этикет : учеб. пособие. — М. : Юридический ин-т МИИТа, 2013.
- Иохим А. Н. Специфика формирования внешнеполитического дискурса (на материале внешней политики России в 2008—2010 гг.) // *Политика и общество*. 2014. № 9 (117). С. 1140—1147.
- Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // *Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та*. 2012. № 1 (17). С. 54—63.
- Концепция внешней политики Российской Федерации : (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февр. 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 12.08.2015).
- Матыгина Е. Б. Концептуальный метафорический сценарий «Путь к демократии» во внешнеполитическом дискурсе Кондолизы Райс // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 258—263.
- Неронова А. В. США, Россия и Китай в Ближневосточном регионе: специфика современных взаимоотношений и перспектива // *Вестн. КРСУ*. 2014. № 11. С. 169—173.
- Полякова И. С. Прецедентное имя как элемент образа России в дискурсе американского политика (на материале обращений К. Райс, 2005—2009) // *Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010) / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. С. 140—143.*
- Пономаренко О. В. Понятие лиминальности в лингво-философской детерминации дипломатического дискурса // *Филология и искусствознание*. 2014. № 12 (14). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1819> (дата обращения: 10.08.2015).
- Прохорова О. А., Ардасова О. О. Дискурс дипломатии в системе смежных дискурсов // *Наука и мир*. 2014. № 5 (9). С. 101—103.
- Соловьев Э. Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // *Россия и новые государства Евразии*. 2014. № 4 (25). С. 34—51.
- Терентий Л. М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2010. № 1. С. 47—56.
- Терехова Е. В. Критерии выделения и особенности функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом и дипломатическом дискурсе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та*. 2011. № 1. С. 102—108.
- Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века // *Политическая лингвистика*. 2008. № 1 (24). С. 86—93.
- Шаклеина Т. А. О войне, победе и российско-американских отношениях. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271101.phtml> (дата обращения: 06.09.2015).
- Шаповалова Т. А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2013.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
- Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Корпус российско-внешнеполитического дискурса в жанровом аспекте (на материале выступлений министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова) // *Научный диалог*. 2015. № 6 (42). С. 121—139.
- Ярославцева Я. А. Языковые средства выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе (на примере речи министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова перед членами Совета Безопасности ООН) // *Язык. Право. Общество : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2015. С. 199—202.*
- Department of State FY 2014 Agency Financial Report. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission> (date of access: 15.08.2015).
- Fairclough N. *Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research*. — London ; New York : Routledge, 2004.
- Mankoff J., Kuchins A. Russia, Ukraine, and U. S. Policy Options: A Briefing Memo / The Center for Strategic and International Studies. 2015 URL: http://csis.org/files/publication/150129_Mankoff_RussiaUkraineUSOptions_Web.pdf (date of access: 06.09.2015).
- Müftüler-Baç M. Deliberations in the Turkish parliament: The external perceptions of European foreign policy // *Journ. of Language and Politics*. 2015. № 14, 2. P. 258—284.
- Rasmussen S. B. *Discourse Analysis of EU Public Diplomacy: Messages and Practices / Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'*. 2009. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090700_cdsp_discussion_paper_r_115_Rasmussen.pdf (date of access: 22.08.2015).

34. Tekin B. Ç. The construction of Turkey's possible EU membership in French political discourse // *Discourse & Society*. 2008. № 19 (6). P. 727—763.

35. Van Leeuwen T. *The Representation of Social Actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Carmen Rosa Caldas-Coulthard, Malcolm Coulthard (eds.)*. — London : Routledge, 2003. P. 32—70.

36. Wodak R. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse historical approach // *Journ. of Language and Politics*. 2015. № 14, 1. P. 87—109.

ИСТОЧНИКИ

37. Лавров. 05.03.2014. — Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсия-Маргальо. Мадрид.

38. Лавров. 30.03.2014. — Комментарий и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с Государственным секретарем США Дж. Керри. Париж.

39. Лавров. 11.04.2014. — Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций международной специализации. Москва.

40. Лавров. 11.04.2014. — Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова в специальном выпуске программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1». Москва.

41. Лавров. 06.05.2014. — Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы. Вена.

42. Kerry. 01.03.2014. — Situation in Ukraine. Washington, DC.

43. Kerry. 02.03.2014. — Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation. Boston, MA.

44. Kerry. 24.04.2014. — Remarks on Ukraine. Washington, DC.

45. Kerry. 29.04.2014. — Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free". Conference. Washington, DC.

46. Kerry. 05.06.2014. — Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov before Their Meeting. Paris, France.

47. Kerry. 11.06.2014. — On the Occasion of the National Day of the Russian Federation. Washington, DC.

48. Kerry. 25.06.2014. — Press Availability at NATO Headquarters. Brussels, Belgium.

49. Kerry. 26.06.2014. — Remarks With French Foreign Minister Laurent Fabius After Their Meeting. Paris, France.

Y. A. Yaroslavtseva
Ulyanovsk, Russia

T. V. Dubrovskaya
Penza, Russia

CONSTRUCTING INTERNATIONAL RELATIONS IN THE GENRES OF FOREIGN POLICY DISCOURSE IN RUSSIA AND THE USA

ABSTRACT. *The paper studies discursive construction of international relations on the basis of comparative genre analysis applied to Russian and the US foreign policy discourse. The authors analyze the corpus of speeches of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. Lavrov and the United States Secretary of State J. Kerry. The corpus dates back to 2014. The article offers a model of genre analysis, which is then applied to the collected material. The genres are analyzed in terms of situational context, communicative goal, communicants and linguistic techniques of constructing international relations. The results of application of the model are summarized by means of a comparative analysis. The approaches to the study of foreign policy discourse by Russian and foreign scholars are briefly presented, and the specificity of current the US — Russian relations is explored. Methodologically, the work is based on the theses of social constructionism and critical discourse analysis. The novelty of the study consists in the fact that the foreign policy discourse is studied to identify typical mechanisms of discursive construction of international relations, the mechanisms that are specific for foreign policy communication, including social actors, their intentions, actions and the system of relationships.*

KEYWORDS: *international relations; discursive construction; foreign policy discourse; genre; Russia; the USA; strength.*

ABOUT THE AUTHORS: *Yaroslavtseva Yana Alekseevna, Post-graduate Student, Penza State University (Penza); Assistant Lecturer of Department of English, Faculty of Foreign Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.*

Dubrovskaya Tat'yana Viktorovna, Doctor of Philology, Head of Department of English, Faculty of History and Philology, Penza State University. Penza, Russia.

REFERENCES

1. Belov E. S. Pertseptivnye i prostranstvennye metafory v rossiyskom vneshnepoliticheskom diskurse // *Vestn. Chelyab. gos. un-ta*. 2010. № 11 (192). S. 12—15.

2. Budaev A. V. Rol' «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2014.

3. Volkov S. V. Vzaimootnosheniya SShA i Yaponii: vzglyad iz Rossii // *Vlast'*. 2014. № 2. S. 114—118.

4. Volkova T. A. Diplomaticheskij diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tyumen', 2007.

5. Voytolovskiy F. G. Rossiysko-amerikanskie otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: tendentsii i perspektivy // *Puti k miru i bezopasnosti*. 2015. № 1 (48). S. 67—84.

6. Golovanova D. A. Interdiskursivnost' diplomaticheskogo diskursa // *Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta*. 2014. № 7 (92). S. 25—30.

7. Gusakov A. V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshney politiki SShA // *Vestn. In-ta strategicheskikh issledovaniy PGLU* : sb. nauch. tr. 2011. № 1. S. 15—17.

8. Drutse A. Yu. Realizatsiya strategiy i taktik ukloneniya ot otveta v sovremennom diplomaticheskom diskurse // *Vestn. Mosk. gor. ped. un-ta*. 2015. № 2 (18). S. 98—106.

9. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. — Penza : Izd-vo PGU, 2014.

10. Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI: spetsifika reprezentatsiy // *Nauch. ved. Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2015. T. 26 (v pech.).

11. Egorov V. P. Diplomaticheskij protokol i etiket : ucheb. posobie. — M. : Yuridicheskij in-t MIITa, 2013.

12. Iokhim A. N. Spetsifika formirovaniya vneshnepoliticheskogo diskursa (na materiale vneshney politiki Rossii v 2008—2010 gg.) // *Politika i obshchestvo*. 2014. № 9 (117). S. 1140—1147.

13. Kozheteva A. S. Diplomaticheskij diskurs kak osobyby vid institutsional'nogo diskursa // *Nauch. vestn. Voronezh. gos. arkhitektur.-stroit. un-ta*. 2012. № 1 (17). S. 54—63.

14. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii : (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyim 12 fev. 2013 g.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (data obrashcheniya: 12.08.2015).

15. Matygina E. B. Kontseptual'nyy metaforicheskiy stsenariy «Put' k demokratii» vo vneshnepoliticheskom diskurse Kondolizy Rays // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4 (50). S. 258—263.

16. Neronova A. V. SShA, Rossiya i Kitay v Blizhnevostochnom regione: spetsifika sovremennykh vzaimootnosheniy i perspektiva // Vestn. KRSU. 2014. № 11. S. 169—173.
17. Polyakova I. S. Pretsedentnoe imya kak element obraza Rossii v diskurse amerikanskogo politika (na materiale obrashcheniy K. Rays, 2005—2009) // Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 13—17 sent. 2010) / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2010. S. 140—143.
18. Ponomarenko O. V. Ponyatie liminal'nosti v lingvofilosofskoy determinatsii diplomaticheskogo diskursa // Filologiya i iskusstvovedenie. 2014. № 12 (14). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/1819> (data obrashcheniya: 10.08.2015).
19. Prokhorova O. A., Ardasova O. O. Diskurs diplomatii v sisteme smezhnykh diskursov // Nauka i mir. 2014. № 5 (9). S. 101—103.
20. Solov'ev E. G. Ukrainskaya ruletka v transformatsii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2014. № 4 (25). S. 34—51.
21. Terentiy L. M. Spetsifika diplomaticheskogo diskursa kak formy kommunikatsii // Vopr. kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1. S. 47—56.
22. Terekhova E. V. Kriterii vydeleniya i osobennosti funkcionirovaniya rekurrentnykh konstruktivnykh v angliyskom politicheskom i diplomaticheskom diskurse // Vestn. Novosib. gos. un-ta. 2011. № 1. S. 102—108.
23. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya metafora v nachale XXI veka // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 86—93.
24. Shakleina T. A. O voyne, pobede i rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271101.phtml> (data obrashcheniya: 06.09.2015).
25. Shapovalova T. A. Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2013.
26. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000.
27. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. Korpus rossiyskogo vneshnepoliticheskogo diskursa v zhanrovom aspekte (na materiale vystupleniy ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova) // Nauchnyy dialog. 2015. № 6 (42). S. 121—139.
28. Yaroslavtseva Ya. A. Yazykovye sredstva vyrazheniya kontseptov «sila» i «slabost» vo vneshnepoliticheskom diskurse (na primere rechi ministra inostrannykh del RF Sergeya Lavrova perez chlenami Soveta Bezopasnosti OON) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Penza : Izd-vo Penzen. gos. un-ta, 2015. S. 199—202.
29. Department of State FY 2014 Agency Financial Report. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission> (date of access: 15.08.2015).
30. Fairclough N. Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge, 2004.
31. Mankoff J., Kuchins A. Russia, Ukraine, and U. S. Policy Options: A Briefing Memo / The Center for Strategic and International Studies. 2015 URL: http://csis.org/files/publication/150129_Mankoff_RussiaUkraineUSOptions_Web.pdf (date of access: 06.09.2015).
32. Müftüler-Baç M. Deliberations in the Turkish parliament: The external perceptions of European foreign policy // Journ. of Language and Politics. 2015. № 14, 2. P. 258—284.
33. Rasmussen S. B. Discourse Analysis of EU Public Diplomacy: Messages and Practices / Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. 2009. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090700_cdsp_discussion_paper_r_115_Rasmussen.pdf (date of access: 22.08.2015).
34. Tekin B. Ç. The construction of Turkey's possible EU membership in French political discourse // Discourse & Society. 2008. № 19 (6). P. 727—763.
35. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Carmen Rosa Caldas-Coulthard, Malcolm Coulthard (eds.). — London : Routledge, 2003. P. 32—70.
36. Wodak R. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse historical approach // Journ. of Language and Politics. 2015. № 14, 1. P. 87—109.
37. Lavrov. 05.03.2014. — Vystuplenie i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode sovmestnoy press-konferentsii po itogam peregovorov s ministrom inostrannykh del i sotrudnichestva Ispanii Kh. M. Garsia-Margal'o. Madrid.
38. Lavrov. 30.03.2014. — Kommentariy i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova po itogam peregovorov s Gosudarstvennym sekretarem SShA Dzh. Kerri. Parizh.
39. Lavrov. 11.04.2014. — Vystuplenie ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na vstreche s predstaviteleyami rossiyskikh nepravitel'stvennykh organizatsiy mezhdunarodnoy spetsializatsii. Moskva.
40. Lavrov. 11.04.2014. — Interv'yu ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v spetsial'nom vypuske programmy «Voskresnyy vecher s Vladimirom Solov'evym» na telekanale «Rossiya 1». Moskva.
41. Lavrov. 06.05.2014. — Vystuplenie i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode press-konferentsii po itogam ministerskoy sessii Komiteta ministrov Soveta Evropy. Vena.
42. Kerry. 01.03.2014. — Situation in Ukraine. Washington, DC.
43. Kerry. 02.03.2014. — Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation. Boston, MA.
44. Kerry. 24.04.2014. — Remarks on Ukraine. Washington, DC.
45. Kerry. 29.04.2014. — Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free". Conference. Washington, DC.
46. Kerry. 05.06.2014. — Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov before Their Meeting. Paris, France.
47. Kerry. 11.06.2014. — On the Occasion of the National Day of the Russian Federation. Washington, DC.
48. Kerry. 25.06.2014. — Press Availability at NATO Headquarters. Brussels, Belgium.
49. Kerry. 26.06.2014. — Remarks With French Foreign Minister Laurent Fabius After Their Meeting. Paris, France.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. В. Дементьев.